

не могут содержаться в других источниках, например, официальных отчетах. Без исследования Тимофеева эти уникальные данные до нас, по видимому, не дошли бы.

¹ *Ляпунов Д.* Первое 10-летие Тверских мировых судебных учреждений (1866–1876). Тверь, 1876; 25-летие московских столичных мировых учреждений. М., 1891; *Кротков П.В.* Московские столично-судебные правовые учреждения. М., 1896.

² *Тимофеев Н.П.* Суд присяжных в России. М., 1882. С. 127.

³ *Тимофеев Н.П.* Указ. соч. С. 120.

М.А. Седов

ИЗ ПРОШЛОГО РЯЗАНСКОГО ГОРОДСКОГО ПАРКА

Нехватка зеленых зон сегодня актуальна для Рязани как никогда, но вопрос рекреационных территорий имеет не только экологический аспект. История рязанских садов и бульваров, а она насчитывает почти две сотни лет, отражает городской быт разных эпох, нравы, привычки и уровень культурных запросов местного населения. Документы губернских и городских учреждений, сохранившиеся в Государственном архиве Рязанской области, позволяют проследить историю возникновения, развития рязанских парковых территорий, финансовую и хозяйственную стороны городского благоустройства. Официальные документы, дополняемые яркими и эмоциональными материалами периодической печати, раскрывают такую, почти неизвестную, картину общественного быта и городской повседневности Рязани XIX – начала XX в., как бытование рекреационных территорий в городском пространстве и жизнь города в их пределах. Предлагаемая публикация посвящена истории рязанского городского сада – старейшего и на протяжении почти двух столетий главного в городе общественного места отдыха, сохранившегося на своем историческом месте, на улице Астраханской (Ленина), до сегодняшнего дня.

Градостроительные планы екатерининской эпохи, а именно к этому времени относится формирование структуры планировки и начало застройки исторической Рязани, предполагали разделение городов на части по их функциональной и социальной направленности. Схемы построения регулярных городов предполагали выделение районов сосредоточения торговли, административных и общественных структур, квартальная обывательская застройка организовывалась с учетом социального статуса горожан. Исходя из этой логики, город должен был бы иметь и парковые территории, которые авторы плана регулярной застройки Рязани 1780 г. не предусмотрели, и к началу XIX в. в городе не было ни одной специально устроенной общественной зеленой зоны. Частные сады, существовавшие при многих городских усадьбах, впол-

не обеспечивали своих владельцев пространством для отдыха, но публичное времяпрепровождение, общественный отдых и «выход в свет» они обеспечить не могли.

С инициативой создания в Рязани городского сада выступило местное дворянство. В первые десятилетия реализации генерального плана застройки 1780 г. из-за сложности рельефа и низкой интенсивности строительства в городе оставалось много неосвоенных участков, со временем превращавшихся в заросшие пустыри. Грандиозный по городским меркам пустырь образовался на части Соборной площади, примыкающей к набережной Трубежа, напротив здания губернских присутственных мест. Именно его и решено было превратить в сад «для публичного гулянья» или, как его еще называли, «Городской общественный сад и бульвар», или «проспект публичного гулянья»¹. По плану регулярной застройки в этой части города планировалось создание административного центра и, кроме здания присутственных мест, строительство резиденций генерал-губернатора, губернатора и дворянского собрания. Проектируемый сад на пространстве от улицы Соборной до набережной Трубежа и от улицы Болдаревской (Некрасова) до Глебовского моста у Кремля должен был составить с ними единый комплекс. В августе 1807 г. место и план сада были утверждены. Выбранный участок наилучшим образом подходил для него как с ландшафтной, так и с градостроительной точек зрения: с одной стороны – формировавшийся административный центр города, с другой – вид на широкую пойму Трубежа и Оки.

Как следует из документов, сначала ни у дворян-инициаторов, ни у губернских властей не было ни финансового, ни организационного плана устройства бульвара. Городской бюджет из-за скудости участвовать в создании сада не мог, поэтому, кроме пожертвований инициаторов, «благочестивых членов общества», других средств на его разбивку не предусматривалось. Собранных денег оказалось недостаточно, а надежды на материальную помощь от всего дворянского сословия губернии, его уездных предводителей не оправдались, добровольных пожертвований сделано не было, кроме тех случаев, когда губернатор А.И. Муханов обращался за ними лично. К 1809 г. было собрано 1950 руб., которые под проценты были вложены в местный Приказ общественно-го призрения, после чего работы по созданию сада прекратились более, чем на 10 лет.

Летом 1819 г. рязанский губернатор Н.А. Наумов писал генерал-губернатору А.Д. Балашову: «Прибыв в Высочайше вверенную мне губернию, я нашел упомянутое место совершенно в пухе лежащем... как из собранных мною сведений открыто, было при Муханове посажено несколько аллей, однако же, вероятно, от худого надзора, после того бывшего, деревья совершенно уже истреблены»². К 1820 г. сумма, вложенная в Приказ, выросла до 2906 руб., и работы по созданию городского бульвара возобновились. К весне 1821 г. одна из аллей «проспекта пуб-

личного гулянья» длиной 110 сажен (235 м) и 6 сажен (13 м) шириной была спланирована, покрыта щебнем и по нему замощена кирпичом, кроме того, была обсажена деревьями аллея по краю откоса Трубежа. На это затратили почти все имевшиеся на устройство бульвара средства. Последующие пожертвования, даже по личным обращениям губернатора к уездным предводителям дворянства, были единичны и настолько незначительны (за год только 334 руб.), что не позволили продолжить дело. В начале 1822 г. Балашов поинтересовался у нового губернатора А.А. Лобанова-Ростовского о судьбе «проспекта публичного гулянья». Проверка показала безупречность предыдущей финансовой и хозяйственной деятельности по разбивке сада, но на текущие работы денег не осталось. Продолжение устройства бульвара Лобанов-Ростовский обещал возобновить сразу же после того, как на это будет собрана необходимая сумма. Но на окончание бульвара средств требовалось вдвое больше, чем уже было затрачено. На земляные работы и мощение было нужно 3547 руб., а на покупку и посадку деревьев еще 3000 руб., кроме ежегодных ассигнований на ремонт и содержание. В рапорте генерал-губернатору А.Д. Балашову А.А. Лобанов-Ростовский писал, что, так как необходимой «суммы ни у казны ассигновано не было, ни из городских доходов, по недостатку оных, назначить невозможно, то и надлежит ожидать из добровольных пожертвований дворянства, к коему следует обратиться с решительным убеждением о поддержании такого заведения»³. В самом конце 1823 г. губернатор предложил съезду дворян, собравшемуся в Рязани, внести добровольные вклады на завершение устройства городского сада на Соборной площади.

Скорее всего, в 1820-е гг. приспособление огромной части Соборной площади под общественный бульвар современникам представлялось уже мало осуществимым. Значимость этого фактора при выборе участка для гулянья подтвердил следующий рязанский губернатор Н.И. Шредер, когда говорил о малой пригодности этой территории для бульвара. Кроме недостатка пожертвований для его разбивки, «место для него, избранное на Соборной площади противу корпуса присутственных мест, было отовсюду открыто, не могло быть способно для произрастания дерев, ибо, сколько оных не посажено, но по твердости грунта никак не принимались»⁴.

На этом закончился первый этап реализации дворянской инициативы по устройству общественного сада на Соборной площади, оказалась нереализованной и идея создания на ней административно-общественного центра. Огромный двухэтажный дом рязанского «государева наместника» так и не был построен, а следы заложенного под него фундамента в 80 на 10 саженей, находившегося между Соборной улицей и Спасоярской церковью, оставались до 1822 г.⁵ Даже двумя-тремя десятилетиями позже в Рязани «всюду были огромные пустыри», а пространство, где предполагалось разбить бульвар, было «огромным пустырем, заросшим бурьяном. Рязанские старожилы говорят, что тут

густо разрослись деревья, что здесь даже охотились»⁶. Вплоть до 1860 г. место, предназначавшееся для первоначальной разбивки городского бульвара, по-прежнему оставалось неосвоенным. Городская дума не придавала значения застройке данной территории, да и горожане не хотели строиться и селиться в этом необжитом районе. С инициативой устройства «нового обывательского квартала на городской площади, ограниченной с одной стороны проездом к собору, а с другой рекой Трубежем», выступило губернское правление в 1859 г.⁷ В июне-июле 1860 г. вся эта пустопорожняя территория была разбита на 11 усадебных участков по 600 кв. сажен с составлением отдельного плана на каждый, предполагавшийся к продаже с торгов городской думой под жилую частную каменную застройку. По предложению губернатора в начале 1860 г. рязанское купеческое и мещанское общество первоначально отвало свободный земельный участок для постройки городского театра на Московском пожарном дворе на Семинарской улице⁸. Однако, из-за неудобства местоположение будущего театра было перенесено на Соборную площадь вплотную к «новому обывательскому кварталу»⁹. Городской театр был выстроен быстро, первый спектакль состоялся в нем осенью 1862 г., но застройка на месте первого городского сада на первых порах не вызвала отклика у населения. По крайней мере, в течение 1860 г. в думе несколько раз объявлялись торги на продажу участков в новом обывательском квартале, но желающих их приобрести так и не объявилось¹⁰.

Вступив в должность в феврале 1824 г., губернатор Н.И. Шредер очень скоро организовал устройство городского сада на новом месте, для чего выбрал овраг, пересекавший Астраханскую улицу за Гостиным двором. Новое место по площади значительно уступало прежнему и требовало меньше затрат на подготовку. В июне 1824 г. Шредер писал генерал-губернатору: «Прибыв в губернский город Рязань и усмотрев, что в оном не имеется еще публичного сада... я тогда же занялся сим предметом. Вследствие чего избрал место для оного около каменных красных торговых рядов, которое, по мнению моему, может быть надежно для произрастания деревьев и есть прилично к разведению сада и бульвара, и, пользуясь последними вешними днями, уже успел посадить более тысячи деревьев, которые все с желаемым успехом принялись... Сверх того, сад и бульвар обведены приличными надолбами, и теперь продолжается уравнивание в нем дорог, равно и устройство и других предметов, могущих служить украшением его»¹¹. В этом письме губернатор отмечал, что занялся устройством публичного сада не только потому, что он «может служить украшением города, пользе и удовольствию жителей», но «более основываясь на высочайшем повелении» от 12 декабря 1817 г. В этом Указе говорилось о содержании в чистоте публичных садов и давалась рекомендация: «Желательно, чтобы каждый губернский город (подобно некоторым малороссийским) имел таковой у себя»¹².

Для разбивки нового сада и бульвара Шредер выбрал свободные места на улице Астраханской: на месте современного городского парка был высажен общественный сад, а на противоположенной стороне – городской «бульвар в Каменных рядах». «Фасадная» сторона городского сада выходила на Астраханскую улицу, а параллельная ей тыльная граница проходила по Приклонской (Урицкого) улице, которая в 1820-е гг. сквозным проездом через сад переходила в Дворянскую (Полонского) улицу. Таким образом, территория, на которой располагается современный парк, много больше той, что занимал сад в XIX столетии. Нынешний парк включает бывшие дом и усадьбу купца Г.В. Рюмина, перешедшие позже губернской мужской гимназии под пансион¹³. Вскоре после основания городского сада участок проходившей через него Приклонской улицы по высочайшему повелению Николая I (скорее всего, во время его визита в Рязань в 1832 г.) был уничтожен и присоединен к площади сада, а граница с усадьбой пансиона стала смежной¹⁴.

Новый городской сад, разбитый на склонах оврага, по дну которого протекал ручей, представлял собой, пусть в миниатюре, модный в ту эпоху пейзажный парк с элементами естественного ландшафта. Это позволило современникам в обиходе и официальных документах именовать сад, кроме как городской и общественный, «английским»¹⁵. Созданные на добровольные взносы населения, городские сад и бульвар в первое время содержались только благодаря усилиям инициативных и неравнодушных горожан. После разбивки сада обязанность быть его зрителем, «по убеждению губернатора», взял на себя чиновник 14 класса Возеж, а его помощником стал ратман городского магистрата Эльпидифор Рюмин. Однако дальнейшее содержание и усовершенствование сада требовали постоянного финансирования. Губернатор Шредер, видя, что средств, жертвуемых населением Рязани, не хватает, 18 июня 1824 г. через предводителей дворянства, городничих, градских голов и надзирателей питейного сбора обратился ко всем сословиям Рязанской губернии с просьбой принять в этом участие. Приветствовалась любая помощь: рабочей силой, деревьями, цветами, алебастровыми или мраморными фигурами и вазами, фонарями, лесными материалами, садовыми инструментами и деньгами, которые были необходимы для найма садовника и рабочих¹⁶.

В 1839 г. губернатор В.М. Прокопович-Антонский запросил у городничих и рязанского полицмейстера сведения о городских садах в губернии. Рязанский полицмейстер писал: «В Рязани есть один сад городской с 1834 г., в коем деревьев более имеется берез и лип и малая часть сосны, рябины и клена, на сбережение оно отпускается в год из городской думы 400 рублей»¹⁷. Скорее всего, указывая, что «сад городской с 1834 г.», он имел в виду, что с этого времени сад начал финансироваться из бюджета и стал в полном смысле городским. Информацию о рязанском городском саде для Министерства государственных имуществ губернатор дал несколько шире: «Сей сад учрежден был для го-

родского гулянья. Есть березы, липы, ясень, рябины, клен, но более состоит из цветников»¹⁸. С этого времени городские общественные средства на содержание сада отпускались думой в распоряжение полицмейстера. Он нанимал сторожей и работников, выполнявших его задания по ведению садового хозяйства¹⁹.

Рязанское дворянство, когда-то выступившее с идеей создания сада, в первое время по-прежнему продолжало считать себя ответственным за его состояние, поэтому он содержался не на бюджетные деньги, которых было крайне мало, а на пожертвования дворянства. В мае 1838 г. рязанский уездный предводитель дворянства капитан П.Г. Приклонский обратился к губернатору с пожеланием взять на себя труды по благоустройству городского сада. Губернатор с благодарностью принял эту инициативу, предписал полицмейстеру передать сад в полное распоряжение Приклонского и выделить ему деньги, предназначавшиеся в бюджете 1838 г. на содержание сада. Что представлял собой городской сад в этом году видно из годового отчета по его содержанию. Штат работников небольшого сада площадью в 1 десятину 820 кв. сажень выглядел вполне солидно. Летом в саду распоряжался «доверитель», садовник, который работал круглогодично, обеспечивался не только жалованием, но и питанием, сторожа были заняты на службе только пять месяцев. Кроме того, для чистки сада и посыпки дорожек песком нанимались рабочие и «бабы для полонья», плотники для сооружения беседки и работницы для покрытия ее холстом, восемь раз приглашались музыканты. Всего за год было израсходовано 756 руб., однако из этих денег от городской думы на содержание было получено только 202 руб. и 50 руб. выручено за скошенную в саду и проданную траву. Можно предположить, что на содержание сада все еще использовались средства жертвователей.

Опека капитана Приклонского над садом продолжалась всего лишь один год. После его смерти в 1839 г., бюджетные деньги на содержание сада (400 руб. в год) городская дума снова стала передавать рязанскому полицмейстеру²⁰.

В 1847 г. губернатор П.С. Кожин снова решил дополнить добровольными пожертвованиями скудные городские средства на содержание сада, задумав организовать «Общество в Рязани для украшения городов Рязанской губернии публичными садами и бульварами». В ходатайстве перед МВД о его учреждении Кожин писал: «Губернский город Рязань, заключая в себе много пустопорожных мест, не предполагаемых по плану ни к какому замощению, весьма беден общественными гульбищами. В окрестностях его нет поблизости ни лесов, ни рощей, а в самом городе небольшой общественный сад составляет единственное, весьма тесное по народонаселению города, место для гуляний и отдохновений в жаркое летнее время. Градская дума по ограниченности доходов, едва имеет возможность поддерживать этот сад в приличном порядке»²¹. Замысел создания общества под своим председательством

П.С. Кожин предварительно обсудил с некоторыми постоянными жителями города. Они согласились в него войти, делать единовременные и ежегодные пожертвования и даже избрали из своей среды директора, казначея и делопроизводителя. На совещании присутствовало не менее 15 человек, которые сразу согласились внести порядка 600 рублей. По проекту устава общество должно было быть создано на неопределенное время, до тех пор, пока в нем будет нужда. Оно ставило перед собой целью «доставить жителям города возможность в летнее время пользоваться увеселительными и приятными общественными гуляньями, которых в настоящее время город лишен, и через устройство садов и бульваров дать некоторым местам города лучший вид»²². Для этого общество должно было собирать пожертвования на существующие городские сады и приобретать для их создания частные владения. Предполагалось принимать в него людей всех званий. Совет общества должен был назначать работы, распоряжаться покупкой материалов и наймом рабочих, предлагать к приобретению частные владения. Действительные члены обязывались каждый год вносить в кассу общества не менее 5 руб. серебром. Помимо этого принимались единовременные пожертвования²³. Через год МВД отказало губернатору в организации общества, мотивировав это тем, что собирать пожертвования для улучшения городских садов можно и без его создания. По поводу же расходов бюджета на эти цели министр указал, что если у города скудные доходы, то надо работать над их увеличением, тогда можно обойтись без всяких пожертвований²⁴.

Насколько позволяли бюджетные и прочие средства, сад благоустроивался. К началу 1850-х гг. в нем имелись четыре моста через овраг, беседка-галерея и отапливаемая будка для нанмавшегося круглогородично сторожа, сад был обнесен деревянной оградой²⁵. Однако содержание его ограничивалось тем минимумом работ, который позволяли бюджетные возможности. К концу 1852 г. деревянная ограда сада по Астраханской улице совершенно обветшала и требовала полной замены²⁶. Для этого с Астраханской улицы в следующем году подрядчик И.Е. Федоровский, «по убеждению начальника губернии», пожертвовал железную (по другим данным чугунную) решетку²⁷. Проект новой ограды сада на каменном основании со столбами и железными воротами в ней составил архитектор губернской строительной и дорожной комиссии С.А. Щеткин²⁸, но ни времени, ни средств у думы в 1853 г. не хватило²⁹. В 1854 г. дума снова столкнулась с заметным, более, чем вдвое, недостатком денег на установку новой ограды, но, по мнению архитектора, никакой экономии за счет технического сокращения проекта сделать было невозможно. Тогда «рязанский градский глава» купец 2-й гильдии В.Е. Антонов предложил для сооружения новой ограды свои материалы или деньги «сколько таковых потребуется... по мере действительной в том надобности, на его счет, без всякого за то от города вознаграждения»³⁰. В 1854 г. у городского сада по Астраханской улице были

установлены железные решетки и ворота на каменном сновании с 15-ю кирпичными столбами. В том же году в саду «близ оврага, к Приклонской улице», была заново переделана галерея (беседка), так как она «пришла в такую ветхость, что угрожает падением»³¹.

Ежегодно дума на содержание сада назначала по смете 100 руб., более трети из которых расходовались на годовое жалование сторожу. Фактические затраты на сад ежегодно разнились. В 1851–1853 гг. они в среднем составляли 62 руб. в год при расходах на все наружное благоустройство города в 2200 руб. В 1854 г., в связи с капитальными работами по установке ограды, бюджет отпустил на городской сад 385 руб., но уже на следующий год из предполагавшихся 100 руб. на все его содержание дума израсходовала только 77 руб. По отчетам, они пошли на наем садовника для «очищения деревьев и разведения цветов», чернорабочих и арестантов для «прорезывания дорожек и метения сада», а также на садовый инвентарь, отопление будки сторожа и устройство при выходах в сад «столбочков с вертушками»³².

В 1855–1856 гг. полную заботу о саде взял на себя старший чиновник особых поручений при Рязанском губернаторе граф М.Д. Бутурлин. Попросил его об этом губернатор П.П. Новосильцев, знавший, что граф уже занимался обустройством Петровского сада на даче княгини М.С. Черкасской, «прельщавшего городских посетителей». К тому времени садовничью должность М.Д. Бутурлин «буквально принял на себя», по его воспоминаниям, сад не соответствовал своему назначению: «Повсюду росли лопух и крапива, а последняя была в измененной части сада до того густа и высока, что казалась богатым конопляным посевом; сушь и валежник редко подчищались, а свежие навислые сучья чуть не задевали головы гуляющих, словом, запущенность была такая, что, конечно, и скудная, определенная на содержание сада сумма едва ли расходовалась на него. Когда я принялся распахивать овраг, заросший лесом крапивы, корни ее были так здоровы и переплетены между собою, что сохи ломались»³³. Губернское правление тогда очень настойчиво требовало от думы, кроме средств, отпущенных на содержание сада по строке годового бюджета, деньги из «экстраординарной суммы» или из остатков по другим статьям расходов отпускать в распоряжение графа, в результате чего затраты на сад увеличились более, чем вдвое³⁴. Бутурлин добросовестно подошел к делу и «через три месяца нельзя было узнать сад: дорожки везде вычищены и клумбы засажены однолетними цветами». Даже тротуар около сада по Астраханской улице был заново вымощен кирпичом, а деревянные тумбы с барьерами заменены³⁵.

Летом 1856 г., М.Д. Бутурлин начал устраивать вновь, а вернее, возобновлять и «второй публичный сад, на соборной площади, над крутым берегом р. Трубежа» или «городской сад на Соборной улице», которому со времен губернатора Н.И. Шредера внимания, вероятно, совсем не уделялось, и просил на это у думы новых денежных перечислений из тех же сумм³⁶. С этого времени в Рязани появилось третье го-

родское общественное место отдыха, получившее название Соборного бульвара, а городской сад на углу Астраханской и Владимирской улиц упоминался уже как «старый».

Бульвар был разбит на незастроенном участке Соборной улицы от места, занятого позже городским театром, до кремлевского моста. Нужно заметить, что эта площадь, несмотря на близость губернских присутственных мест, оставалась тогда «пустырем, окружавшим изолированную церковь Спаса на Яру». Территория эта считалась окраиной города, до середины XIX в. отрезок Соборной улицы от места будущего театра до Кремля (получивший позже название – Соборное шоссе) вовсе был не вымощен и считался «весьма неудобным для проезда в собор в осеннее и весеннее время, по иловатому грунту земли». Шоссе впервые вымостили в 1853–54 гг. «на пожертвованные по приглашению начальника губернии деньги и посредством пожертвованных материалов». В 1854 г. губернатор П.П. Новосильцев констатировал, что шоссе «окончено и на будущее время проезд по Соборной площади будет весьма хорош»³⁷. Однако до появления застройки вдоль шоссе оно не подразделялось на положенные для улиц обособленные проезжую часть и тротуар, а выглядело как сплошная замощенная полоса. Ежегодно в 1855–1860 гг. по указу губернского правления дума за городской счет доставляла по 5 куб. сажень бутового камня и по 5 куб. сажень песка на ремонт шоссе к кафедральному собору и исправляла существующие там деревянные мостики³⁸. Все мостовые и плотничьи работы выполнялись арестантами рязанской арестантской полуроты гражданского ведомства без всякой оплаты, кроме мизерных суточных, полагававшихся надзиравшим за ними унтер-офицерам.

Обустройство М.Д. Бутурлиным Соборного бульвара в 1856 г. шло не особенно успешно. Позже он писал, что, как и ранее до него, на этом месте не получалось создать бульвара, так и его старания были тщетными. Граф ссылался примерно на те же обстоятельства, которые до него стали причиной отказа губернатора Н.И. Шредера от идеи создания городского сада на Соборной площади: «Главною причиною неудачи было затруднение добывать молодые деревья, которые привозились из далека уже полузасохшими, а также в неудобстве возить на гору достаточное количество воды для поливки растений»³⁹. Бутурлин всего два года занимался молодыми рязанскими парками, с 1857 г. он был переведен на службу в Калужскую губернию, после чего их снова поручили одному из гласных городской думы. Однако и после его отъезда дума относительно серьезные работы, например, исправление деревянных мостов через овраги в «английском саду», выполняла по указанию «сверху» – «словесному приказанию губернатора»⁴⁰. Бутурлин напрасно посчитал, что его труды по возобновлению Соборного бульвара совсем ни к чему не привели (илл. 1). Ряды деревьев, кустарников, куртины по обе стороны Соборного шоссе, заложенные им в 1856 г., постоянно подсаживались и обновлялись, в основном тополями и акациями, до

1910-х гг., а возможно и позже, но уверенно можно сказать, что Соборный бульвар удался⁴¹. Зеленые насаждения были обнесены деревянными перилами с балясником и тумбами в проходах. Заложенные на содержание городского сада и двух бульваров средства по-прежнему зачастую осваивались меньше, чем наполовину, например, в 1870 г., когда было затрачено всего лишь 42 руб. 35 коп.⁴²

С началом реформы Городового положения и появления в Рязани в 1871 г. исполнительного органа местного самоуправления – городской управы, обязанности по ведению различных отраслей городского хозяйства стали распределяться между ее членами. Один из них, в числе ряда поручений, отвечал за содержание городских парковых территорий, выяснял необходимость тех или иных работ и закупок, составлял расходные сметы, сам нанимал подрядчиков, приобретал материалы, а потом с согласия управы за все расплачивался из городской кассы (часто, как и прежние гласные думы, собственными деньгами с последующим возвратом) и отчитывался.

Выделение в городском самоуправлении специального исполнительного органа придало энергии неповоротливому городскому хозяйству. Начало этой реформы отразилось и на ведении городских парков.

Илл. 1. Вид с колокольни на Соборный бульвар.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1912 г.

В первой городской управе заведование садом и бульварами было поручено ее члену, рязанскому купцу И.М. Подгорному. Стоит отметить, что член первой городской управы Иван Матвеевич Подгорный добросовестно отслужил в городском общественном самоуправлении 30 лет до конца 1880-х гг., и, что редко случалось с городскими служащими, отошедшими по возрасту и состоянию здоровья от дел, дума определила ему пожизненную пенсию в 300 рублей⁴³.

В год начала работы управы фактические расходы на сад сразу выросли до 464 рублей вместо 200, которые назначались по смете⁴⁴. Но в 1872 г. после ознакомления с состоянием подведомственных ему мест отдыха, оказавшихся, вероятно, не в лучшем виде, Подгорный убедил думу увеличить ассигнования на них с 500 до 1000 рублей⁴⁵. Было закуплено много строительных материалов, семена травы и 490 «корней разных деревьев» (в том числе и акаций), выполнены большие плотничные, штукатурные и малярные работы. Однако уже со следующего года ежегодные ассигнования на городской сад возвратились к прежней сумме в 500 рублей – «по примеру прошлых лет». Подгорный пытался изменить и отношение горожан к главному месту их отдыха. Рязанский полицмейстер предложил управе запретить публике гулять в саду с собаками. На это Подгорный заявил, что сам неоднократно замечал нарушения порядка, допускаемые гуляющими в саду, и предложил коллегам при входе в сад прибить небольшие деревянные дощечки с надписью: «Гулять дозволяется, но деревья не ломать, цветы не рвать и не топтать травы, собак с собою не водить», что и было принято⁴⁶.

В 1870-е гг. очень заметно желание управы сделать город более зеленым. С этой целью бывало, что управа высаживала более 500 деревьев в год⁴⁷. Основная их часть предназначалась для сада и бульваров, но иногда деревья сажали и на улицах вдоль мостовых. В ноябре 1874 г. городской голова И.Н. Голубов заявил управе, что «по соглашению с губернатором они предположили посадить липки по тротуарам всей Соборной улицы, в настоящее время липки, количеством 250, посажены»⁴⁸. Для озеленения всего города такое предприятие почти ничего не значило, хотя в саду и на бульварах высаживалось много деревьев. В 1870–1880-е гг. Соборный бульвар получил как бы свое продолжение за Глебовским мостом на набережной у собора. По краю откоса Трубежа были установлены деревянные перила, а около них поставлены скамейки и высажены деревья. Как и сегодня, это место привлекало много гуляющих, особенно во время разлива сюда стекались тысячи горожан, поэтому благоустройство в Кремле было необходимым.

Надлежащего надзора и ухода за высаженными деревьями почти не было, за всем парковым хозяйством следил лишь один сторож сада, а опытный садовник приглашался на время, когда в нем была особая необходимость⁴⁹. По свидетельству Подгорного, на работы привлекались пожарные, которые из-за низкой оплаты быстро уходили, а замещавшие их арестанты не были заинтересованы в результатах своего тру-

да⁵⁰, поэтому он считал, что в целом «парковая картина» не представлялась оптимистичной: «...на бульварах у рядов посаженных вновь лип большая часть засохла, на бульваре к собору до двадцати в разных местах засохла, а на иных местах совсем нет и стволов деревьев, а также им посаженных лиственниц; почему полагал бы в саду на месте засохших дерев вновь посадить...»⁵¹.

Единственный садовый сторож не мог уследить за всеми саженцами, они либо засыхали, либо уничтожались несознательной публикой. Например, весной 1879 г. И.М. Подгорный заметил, что «на Соборном бульваре повытаскано много липок, а потому он и отправился осмотреть бульвар и нашел, что, действительно, некоторые липки повытасканы, а некоторые тополи повреждены»⁵². Причиной оказалась ничем не мотивированная хулиганская выходка подростков, детей рязанских чиновников. Полицмейстер на нее отреагировал только тем, что вырытые деревья вновь велел посадить ночному сторожу Ильинской улицы, но управа хотела составить по этому случаю акт и передать его мировому судье⁵³. Основная часть саженцев закупалась управой у крестьян селений Рязанского уезда, при этом гарантией того, что они примутся, служил залог: при стоимости одного саженца в 18 коп. крестьянин осенью получал только 8, а остальные 10 – весной, в случае, если дерево будет живо, иначе он взамен привозил новое. Главным образом, высаживались обычные виды деревьев: клены, ясени, березы, вязы, липы и тополя. Но, кроме них, управа облагораживала сад и «экзотикой» – лиственницей и белым тополем, иногда высаживаемыми по несколько десятков корней в год⁵⁴. Некоторые из деревьев, посаженные в 1870-е гг., вероятно, живы в саду и по сей день, в городском парке есть старые лиственницы и белые тополя. В октябре 1874 г. Подгорный докладывал управе о вариантах распределения существующих древесных насаждений на рязанских парковых территориях: «...взять из городского сада белого тополя, которого для того достаточно будет, а, между прочим, и в саду оный лишним считаться может, тем более, против пансиона»⁵⁵.

Случалось, что средства, намеченные думой на содержание сада в проекте бюджета, при утверждении его губернским правлением заметно сокращались. Например, в 1864 г. предполагавшуюся думой сметную сумму губернская администрация сократила в 2,5 раза. Однако хозяйственный департамент МВД, комментируя это ассигнование на рязанский сад, посчитал, что и эта сумма слишком обременительна для городского бюджета. Он рекомендовал, чтобы «городское начальство» «озаботилось к устранению на будущее время подобной издержки, т. к., по имеющимся в виду министерства примерам, городские общественные сады в некоторых городах не только служат предметом расхода из городской кассы, но, напротив, составляют источник ежегодного дохода посредством отдачи оных в арендное содержание частных лиц, с правом устройства в нем кондитерских, оранжерей, цветников и т. п., служащих как к извлечению выгод арендаторам, так и к удобству публики»⁵⁶.

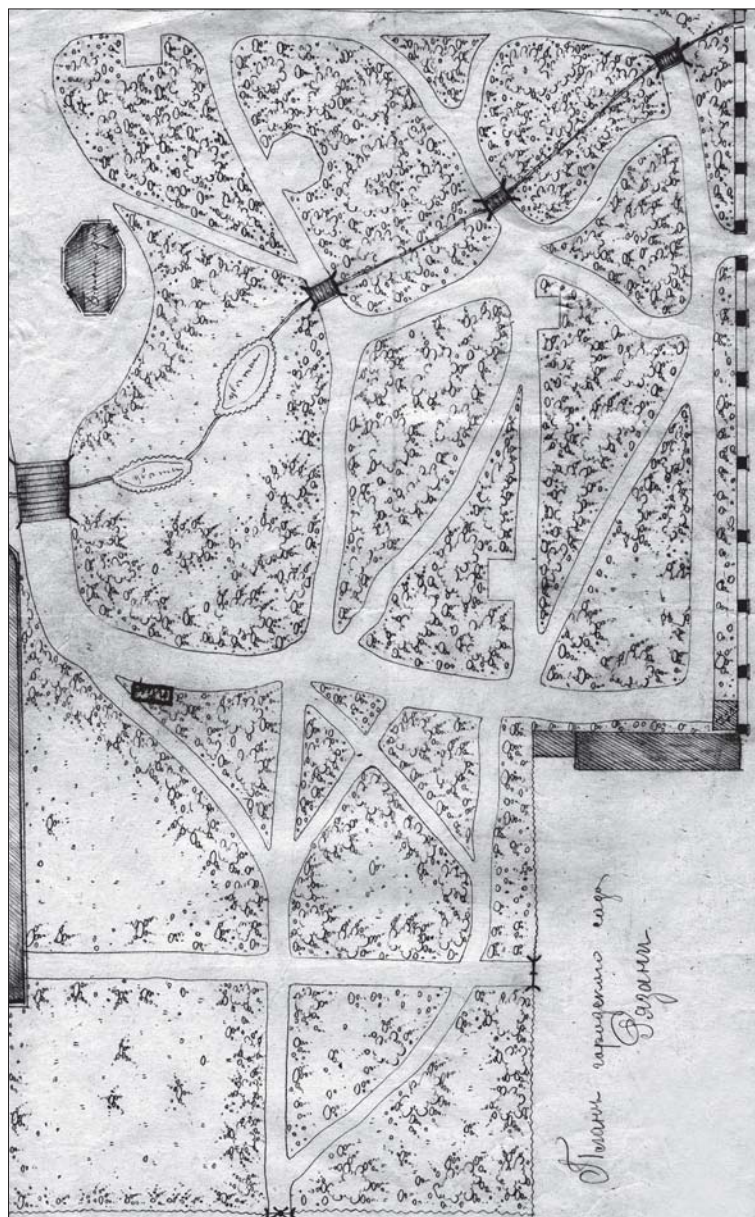
Со временем городской сад стал доходной оброчной бюджетной статьей: покос травы приносил мизерный доход, но все же материально оправдывал его существование⁵⁷. Кроме «английского сада», под покос травы сдавались еще два городских сада, которые не служили для общественного отдыха. Один из них – «фруктовый» находился на усадьбе здания городских присутственных мест, другой – «у Спасоярской церкви», насаждения которого, вероятно, сохранились со времен неудавшейся разбивки первого городского сада на Соборной площади.

Помимо покоса травы, управа изыскивала и другие возможности получения доходов от сада. Во время пожара 10 мая 1885 г. в саду сгорели беседки, часть заборов, были и еще некоторые повреждения⁵⁸. Разумеется, расходная городская смета дополнительных затрат на ремонт в саду не предусматривала, поэтому управа за лето устроила несколько народных гуляний «при участии военной музыки, с большим фейерверком» и с платой за вход в доход города, а собранные средства пошли на исправление последствий от пожара. К августу на вырученные деньги (374 руб.) сад был приведен в порядок: построены беседки с железными крышами и заборы, устроены новые «площадка для танцующих» и скамейки, отремонтирована сторожевая будка⁵⁹.

С разрешения управы платные народные гулянья в пользу городского сада продолжились и в последующие годы: в 1886 г. они проходили по вторникам и четвергам со взиманием по 10 коп. со взрослых, дети проходили бесплатно. В это время на гуляниях в саду играли военные оркестры, впервые приглашаемые управой за городской счет. Кроме того, платные гулянья проводились в благотворительных целях или устраивались заезжими гастролерами. Например, грязовецкий мещанин А.Ф. Картавов представлял концерт хора рожеников, а некий Крамес устраивал гулянье с фейерверком. Кстати, средства от народных гуляний в 1885 г. помогли выстроить в саду общественные ретирадные места. Нужно сказать, что до 1898 г., кроме садовых ретирад, в Рязани имелся лишь один общественный туалет на Новобазарной площади (ныне площадь Ленина).

Так как сад был основным местом прогулок рязанцев, некоторые граждане пытались использовать его в коммерческих целях. В 1883 г. майор С.В. Заинчневский подал прошение городскому голове об устройстве в саду тира для стрельбы дробью из духовых ружей. Это требовало сооружения деревянного строения 15 x 20 аршин, которое через пять лет по истечении срока работы тира коммерсант обещал оставить в городское пользование. Скорее всего, из-за того, что территории сада и без того было недостаточно для гуляний, городская управа Заинчневскому отказала, но предложила устроить тир на противоположной стороне Астраханской улицы – на бульваре в Каменных рядах (илл. 2).

На рубеже XIX–XX вв. кино в городе было необычным явлением, ни одного стационарного синематографа в Рязани не существовало, владельцы различных аппаратов, казавшихся чудом технического прогресса

Илл. 2. План городского сада. 1883 г.
ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 436. Л. 2

са, демонстрировали свои сеансы во временных помещениях. Это вызвало у публики огромный интерес, но некоторые «светские» горожане считали праздничные балаганы, цирки и кино «плебейским» развлечением.

Весной 1901 г. фельдшер местной духовной семинарии В.П. Павлов заявил управе о желании снять на лето место в саду под постройку временного тесового павильона, который можно было бы использовать для демонстрации сеансов оперографа (гранд-фонографа Эдисона) и «картин в движениях» – синематографа. Заведующий городским садом член управы М.И. Денисов выступил против этого предложения, мотивируя отказ тем, что арендная плата в 30 рублей мала для городской кассы, «чтоб на нее польститься и сдать место в саду». Кроме того, Денисов сослался на то, что сад очень мал по площади, и скопление «лишней публики» сделает его еще теснее и «притом, все эти фонограф, синематографы и прочие будут пригодны для кухарок и мастеровых, присутствии которых в единственном саду для гуляющей интеллигентной публики будет нежелательно»⁶⁰. Он посоветовал Павлову обратиться «с своими аппаратами» в Общества трезвости или Общество народных развлечений для устройства сеансов «в местах гуляющих туч простого народа». Управа с этим согласилась и заявление отклонила.

На уход за общественными зелеными территориями и на благоустройство города в целом дума выделяла средств меньше, чем требовалось, но даже эти деньги управа за год не всегда полностью осваивала. Затраты на сад и бульвары почти никогда не превышали 0,2% от общегородских расходов, в расходах на городское благоустройство они редко были более 4%⁶¹. Такое соотношение сохранялось и в XX в., например, в 1903 г. вся смета на «содержания городского сада и бульваров» состояла из нескольких пунктов: жалование сторожу сада, отопление его сторожки, очистка сада и бульвара от мусора, посадка 20 тополей и акаций на Соборном бульваре, исправление заборов и скамеек, покупка инструментов и 27 возов песка для посыпки дорожек⁶². Выделявшиеся городом деньги на содержание сада, ввиду их явной недостаточности, приходилось всячески экономить. Дума, а потом управа для подготовки сада и бульваров к открытию летнего сезона и основательного приведения их в порядок после зимы в 20-х числах апреля отдавала работы, занимавшие около недели, «подрядчицам». Ими были женщины пригородных селений (часто с. Шумашь), которые приводили с собой до двадцати и больше «баб» для очистки сада и бульваров «с начала весны» «от всякой дряни»⁶³. К концу сезона, когда основные суммы были потрачены, к работе подключали исполнителей, не требовавших высокой оплаты: арестантские роты или городскую пожарную команду⁶⁴.

В первые десятилетия XX в. рязанская общественность через местные газеты часто выражала свое недовольство уровнем содержания сада и порядками в нем: «Где рязанским жителям проводить вечера летние, как не в городском саду? Там они должны иметь возможность

гулять, отдыхать или предаваться физическим упражнениям на чистом воздухе среди природы, красоты которой стали бы облагораживающе действовать на посетителей. Это – идея городского сада. Но что представляет из себя наш городской сад? Маленький по объему, запущенный, грязный, с ямами, оврагами, не освещенный, без цветов, без красоты. Жалкое подобие городского сада. Обыватель вздыхает, а идет туда. Больше идти некуда. И никто об этом городском саду не заботится. Я это говорю, основываясь на фактах. В течение 10 лет я знаю городской сад. И вижу, что он становится с каждым годом хуже и грязнее» (Вл. Смирнов)⁶⁵. Управа «из года в год ... в отношении благоустройства делает почти только то, что “содержит” и “ремонтирует” то, что было сделано когда-то давно, и почти ничего не делает вновь. Да и “содержание” и “ремонт” не всегда производятся с должной тщательностью и, в конце концов, благоустройство города не только не прогрессирует, а падает. Гибнут старые деревья в городском саду, а посадка новых почти не производится, разрушаются общественные бульвары...»⁶⁶. «Городской сад – излюбленное место хулиганов, которые ломают деревья, пристают к гуляющим девицам...»⁶⁷

В начале прошлого века Рязань оставалась бедной парками и скверами. В 1900 г. городской собственностью стала загородная Рюмина роща. Горожане любили в ней отдыхать не меньше, чем в городском саду, но в основном тогда, когда в распоряжении был целый свободный день. Хотя роща была не особенно удалена от города, но добираться туда вечерами по непролазной грязи городских окраин не было большого желания, а услуги извозчика были по карману далеко не каждому. Поэтому, хоть не во всем устроенный и тесный, но близкий, городской сад был почти единственным местом повседневного досуга рязанцев, в дни гуляний и праздников в саду собиралось до нескольких тысяч человек.

Кроме недостатка мест отдыха для взрослых, в Рязани отсутствовали детские площадки для игр. Большинству семей бюджет не позволял устраивать загородный летний отдых детей на природе, и они были предоставлены улице. В апреле 1899 г. губернатор Н.С. Брянчанинов обращался к городскому голове В.С. Буймистрову: «Наступающая весна и приближающееся лето, во время которых городской обыватель, по мере возможности, старается быть на открытом воздухе, выдвигает вопрос о том, где будут гулять в весеннее и летнее время дети городских жителей. Вопрос этот... является назревшим, так как в Рязани сейчас нет более менее удобного места специально для детей, городской сад же в удобное для гулянья время бывает переполнен взрослой публикой. Между тем, в городе, кроме городского сада, есть сад губернского земства, а также бульвар на Левицкой [Радищева. – М.С.] улице, на котором могло бы быть отведено и приспособлено место для гулянья детей, а потому к удовлетворительному решению настоящего дела, я надеюсь, не встретится особых затруднений»⁶⁸. Губернатор просил вы-

нести этот вопрос на ближайшее заседание городской думы, которая по недостатку средств «не нашла возможным приступить в настоящее время к устройству детского сада». Однако только в 1910 г., а затем в 1913 г., благодаря Комиссии по устройству разумных детских развлечений при городской думе и лично руководителю детскими играми А.В. Чернышеву, для детей в саду были открыты две специальные площадки. Ежедневно летом на них собиралось от 30 до 150 детей всех сословий, в основном малоимущих родителей⁶⁹. Старшая группа играла в лапту или мяч самостоятельно, средняя тоже занималась подвижными играми, но под надзором воспитателей, малыши упражнялись в пении, декламации, строили из песка крепости.

Появившиеся в начале XX в. технические новшества в городском хозяйстве отразились и на благоустройстве рязанского сада. До этого, например, в 1900 г. во время музыкальных вечеров с 14 мая по 8 сентября общественный сад освещался 26-ю городскими керосиновыми фонарями на столбах. Кроме них зажигались восемь таких же фонарей городского клуба, восемь горели в музыкантской беседке во время исполнения музыки, один фонарь ежедневно был у сторожевой будки, уборные освещались четырьмя керосиновыми лампами⁷⁰. Однако рязанцы таким освещением сада были недовольны. В начале паркового сезона 1913 г. газета «Рязанская жизнь» писала: «С наступлением сумерек городской сад бывает переполнен. Но абсолютная темнота, или горят две-три «коптилки». В 22–23 часа публика пытается скорее уйти из сада, так как хулиганы начинают свои безобразия. И чего не увидишь и не услышишь в городском саду. «Коптилки» и те, кажется, краснеют. Городская управа начинает освещать городской сад более менее с переходом туда городского собрания. Главная дорожка освещается керосино-калильными фонарями, дающими яркий свет, а три четвертых сада тонут во мраке, который тщетно стараются рассеять несколько «коптилок»»⁷¹.

С проведением в Рязани в 1913 г. электричества в городе были установлены 30 дуговых фонарей, 5 из которых, стоимостью в 1 тыс. руб., появились в городском саду. Электрические фонари в саду впервые зажглись 21 июля: «Минувшей ночью городской сад был освещен электричеством. Горели все фонари. При электрическом свете сад казался очень красивым»⁷². Тогда же, с прокладкой в городе водопровода, дума постановила устроить в саду небольшой, диаметром в 1,5 сажени, фонтан с украшениями, садовой решеткой и цветником вокруг него, с ассигнованием 600 руб. Его предназначение заключалось не только в придании саду более благоустроенного вида, но и в снабжении его водой при поливке дорожек и деревьев⁷³ (см. приложение № 4). До 1918 г. этот проект так и не был осуществлен, но с 1913 г. сад перед гуляньями стали поливать от пыли из водопровода два раза в неделю (с 18 до 19 часов). В этом же году была спланирована, значительно приподнята, расширена и забетонирована главная грунтовая аллея сада. Отходящие от

нее дорожки облагородили и расширили. Тогда же управа установила время работы сада: с 10 октября по 1 апреля сад был открыт для посещения с 7 до 21 часа, в остальное время года с 7 до 1 часа ночи⁷⁴.

Территория была обнесена каменным и деревянными заборами с главными воротами по Астраханской улице и калитками с Приклонской и Владимирской. Все городские постройки сада были приспособлены для летнего массового отдыха и хозяйственных целей. Среди построек упоминались: беседка, буфет, дамская уборная, клозет, сторожка, сарай, будка для кинематографа. По ценам 1913 г. их общая стоимость составила всего 1205 рублей⁷⁵.

Неотъемлемой принадлежностью городского сада, казалось, всегда было летнее деревянное здание благородного общественного собрания, хотя, в действительности, этот дом просто находился с ним в очень близком соседстве. Благородное собрание – узкословный клуб, существовавший в Рязани с первой половины XIX в. для проведения досуга и развлечений его членов «в сообществе благородных лиц». С осени до весны клуб арендовал для себя помещения сначала в частных домах, в конце XIX – начале XX в. в доме Дворянского депутатского собрания, на углу Астраханской и Почтовой, а на лето менял свою квартиру. Когда благородное собрание обосновалось в саду, пока не установлено, но, очевидно, что, желая пребывать в городе летом на открытом воздухе среди зеленых насаждений, за неимением более подходящего варианта, клуб изначально выбрал для этого городской сад. Однако выстроить себе частное летнее помещение на общественной земле он не мог, поэтому пользовался наемным домом, расположенным поблизости, у самой границы сада по улице Приклонской, немного не доходя до оврага (на месте современного Центра народного творчества). Более выгодное и близкое соседство с городским садом члены благородного клуба вряд ли могли найти. Известно, что частный жилой дом на этой усадьбе существовал еще в 1837 г. и принадлежал князю Г.К. Дадиан-Мингрельскому.

Самое раннее выявленное упоминание пребывания благородного собрания рядом с садом является косвенным: в августе 1850 г. губернатор поручал думе отремонтировать в нем обветшавшую галерею у Приклонской улицы, находившуюся «близ здания, занимаемого в то время клубом»⁷⁶. Впоследствии, о присутствии собрания в рязанском саду говорится в документах 1860 г.: «В городе разбит небольшой, но красивый публичный сад, в коем помещается здание летнего клуба...»⁷⁷.

В 1853 г. на этой усадьбе, принадлежавшей в то время мещанке А.Д. Косых, стоял дом с флигелем на дворе, а вся эта недвижимость оценивалась относительно недорого – в 1164 рубля⁷⁸. В 1863 г. усадьба стала собственностью рязанских купцов супругов И.А. и Е.И. Логиновых и, судя по ее оценке на момент продажи, за истекшие 10 лет прежняя хозяйка никакихстроек и перестроек не производила⁷⁹. Супруги Логиновы, сначала муж, а потом жена, стали купцами 3-й гильдии в 1855–

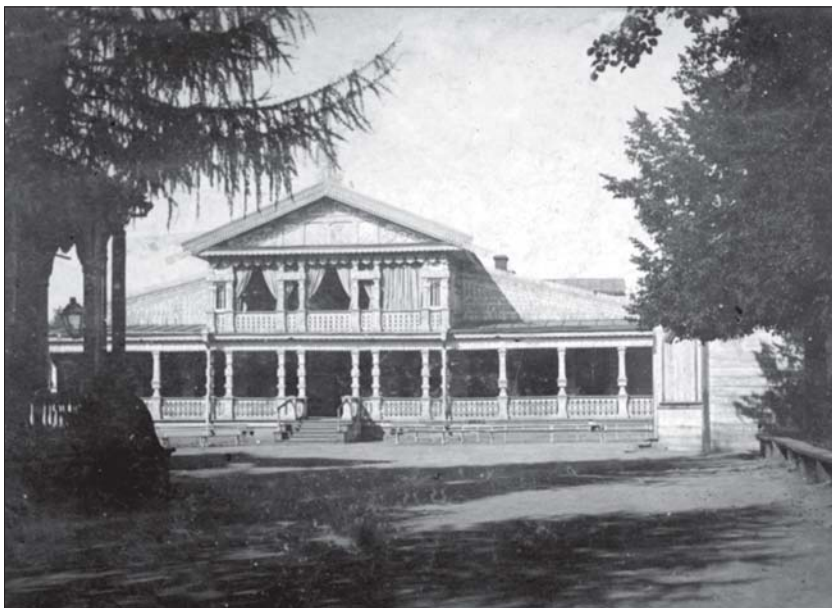
1856 г., переводясь из рязанского мещанства⁸⁰. По всей вероятности, коммерческие дела у них шли неплохо, на купленной ими усадьбе по Приклонской улице они принялись за строительство, и по переоценке недвижимости в 1873 г. ее стоимость составляла уже 4879 руб.⁸¹, а к 1882 г. – 8500 руб., что для городских усадебных комплексов было совсем немало⁸². В 1876 г. И.А. Логинов, купец уже 2-й гильдии, словесно обозначал местонахождение своего дома «в английском саду»⁸³. В конце 1870-х гг. хозяйкой усадьбы значилась купчиха Е.И. Логинова. Владения ее к 1882 г. были вполне солидными: на усадьбе, размером 55 x 30 сажен стояли два деревянных дома, приносящие в год доходу до 800 руб., один из них был в два этажа, там же находились кухни и другие хозяйственные постройки⁸⁴. Здесь и нанимал летнее помещение благородный клуб, который в саду к тому времени стал уже привычным явлением.

В 1871 г. свою зимнюю квартиру благородный клуб снимал в доме купца И.М. Зайцевского на Астраханской улице (впоследствии дом гимназии Н.Н. Зелятрова, сегодня один из корпусов школы № 7). В мае этого года содержатель буфета благородного собрания в доме Зайцевского, московский цеховой К. Яковлев, ходатайствовал в управе о разрешении перевести его на лето в городской сад, в дом купчихи Е.И. Логиновой. Одновременно рязанский цеховой П. Болотов, содержавший в городе свое трактирное заведение, просил о его переводе на лето в тот же дом. Вопрос сервисного обслуживания горожан во время отдыха в саду касался не только «благородцев». Тогда же мещанин С.Ф. Шензингер ходатайствовал перед управой о размещении в саду торговли фруктово-молочным товаром из небольшой передвижной лавочки, но получил отказ ввиду неподходящих условий аренды⁸⁵.

Нахождение благородного собрания в непосредственной близости от сада заметно оживляло жизнь. По инициативе и за счет клуба в сад приглашался военный духовой оркестр. Майский пожар 1885 г., сильно повредивший сад, уничтожил и «летнее гнездо» клуба – дома Логиновых. Обычные посетители городского сада лишились привычной музыки, а клуб вскоре переселился в дом А.А. Ральгина на Абрамовской (Салтыкова-Щедрина) улице с обширным садом, где военный оркестр вполне мог музицировать для членов собрания. Управа тогда докладывала думе: «Единственным удовольствием, каким жители Рязани имели возможность пользоваться в летнее время – это гуляньем в городском саду при слушании военной музыки, но ныне, к сожалению, и этого удовольствия жители лишились... Свободный вход в сад Ральгина для всех жителей города невозможен, а для некоторых не членов клуба и доступен, то все-таки с платою в размере 50 коп. с мужчин». В том числе и для того, чтобы нанять в городской сад военные оркестры, управа тогда начала практиковать платные гулянья в саду, чтобы «устранить городские суммы от участия в расходе на наем военной музыки для народных гуляний..., так как средства города и без того находятся в самом небогатом состоянии...»⁸⁶.

В конце лета 1885 г., намереваясь приобрести усадьбу Логиновых, собрание обратилось в управу с прошением в случае покупки построить на ее месте летний клуб фасадом в городской сад и вопросом, не будет ли управа против пользования клуба садом и расположения выходов здания собрания в него. Управа доложила думе, что не против проекта собрания, но с тем, чтобы оно одновременно пожертвовало в пользу города на улучшение сада 500 руб., а пользоваться садом собрание имеет не меньше прав, чем любые жители города. В случаях же исключительного пользования им, собрание каждый раз должно получать разрешения на это у городского общественного управления. Дума согласилась с этим мнением управы единогласно, за исключением пункта, касавшегося «добровольного пожертвования» в 500 руб., о чем, по мнению думы, нужно ходатайствовать перед собранием особо⁸⁷.

Клуб приобрел усадьбу купчихи Логиновой только в 1886 г.⁸⁸, а в сентябре того же года собрание получило разрешение на строительство для него деревянного здания⁸⁹. Время непосредственного строительства летнего клуба можно предположить по косвенным фактам. Например, летом 1886 г. оркестры, квартировавших в Рязани полков, играли в городском саду во время народных гуляний по приглашению управы и за городской счет. Сооружение здания, скорее всего, продол-

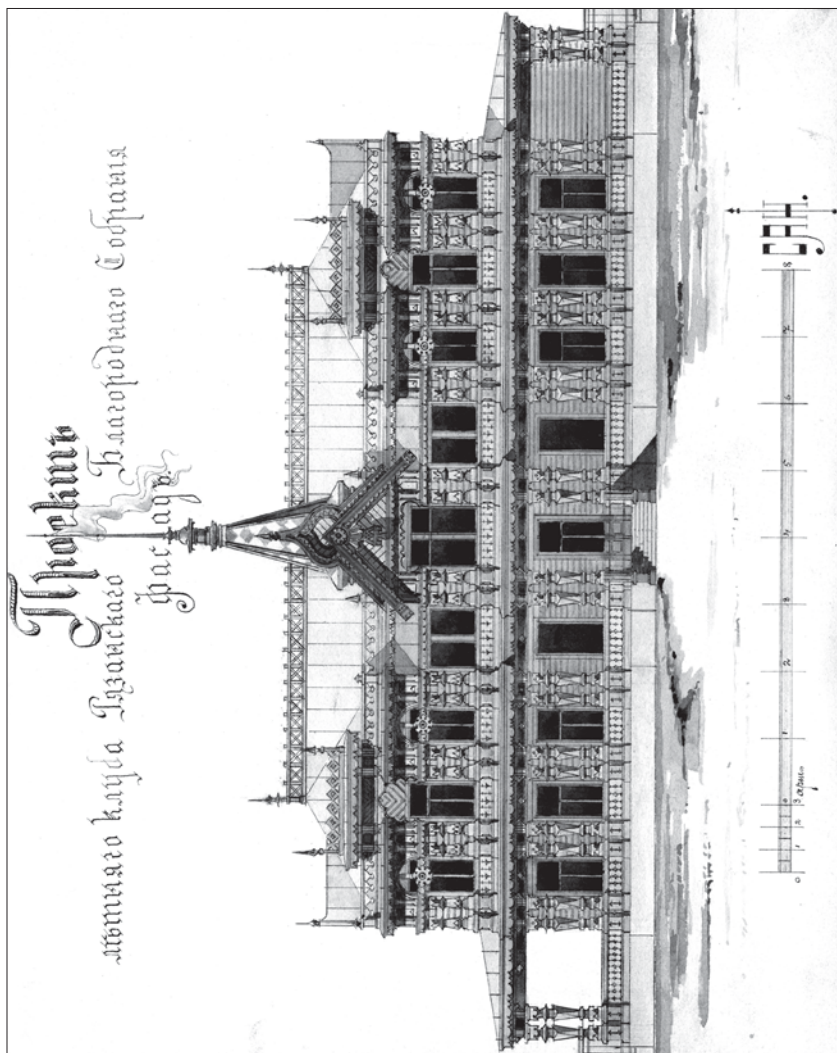

Илл. 3. Здание Благородного собрания в городском саду. 1890-е гг.
Фонды РИИМЗ

жалось недолго, и когда точно закончилось, выяснить пока не удалось. Однако известно, что для народного гулянья 1 мая 1888 г. при открытии летнего сезона в саду, 15 мая в день памяти коронавания царской семьи и в июле в день празднования 900-летия крещения Руси городская управа сама приглашала оркестры Фанагорийского полка и 3-й гренадерской артиллерийской бригады⁹⁰.

Выстроенное здание летнего клуба (илл. 3) имело просторные крытые террасы, укрывавшие от дождя и зноя, на них располагались буфет и читальня с периодической печатью. Однако все это предназначалось только для членов клуба и приглашенных ими лиц. Все же присутствие собрания внешне придавало саду не только обжитой культурный вид, но и специфический колорит. По крайней мере, оркестры, приглашавшиеся клубом два раза в неделю, играли для всех гуляющих. Кроме того, собрание принимало участие в благоустройстве территории сада, прилегающей к своему зданию. Например, весной 1900 г. клуб получил согласие управы на городской земле сада «для удобства членов устроить от калитки с Приклонской улицы до крыльца летнего помещения благородного собрания асфальтовую дорожку в одну сажень шириной» и сделать «кирпичную шоссировку площадки против здания летнего клуба»⁹¹.

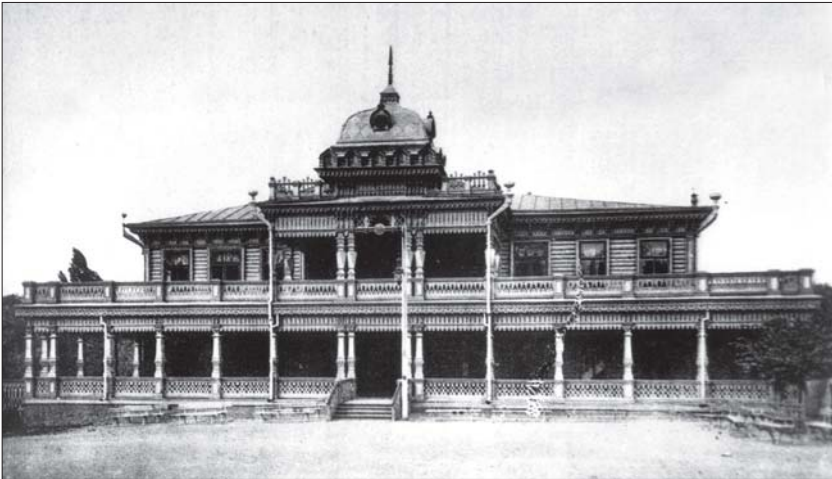
В сентябре 1902 г. летнее помещение Благородного собрания сгорело⁹². Нахождение зимой в съемном помещении, а летом – в собственном, клубу было невыгодным, поэтому собрание хотело выстроить себе постоянное каменное здание. Размер усадьбы собрания, смежной с городским садом, оказался недостаточным. Поиски подходящего земельного участка продолжались полтора года и результата не дали. После пожара, с уходом собрания, в саду не стало духового оркестра, заметно сократилось число посетителей. Появились хулиганы, в полицию начали часто поступать заявления «о разного рода безобразиях», особенно с наступлением темноты. В мае 1903 г. из-за нехватки городских полицмейстер просил городскую управу «об увеличении числа сторожей в городском саду для наблюдения за порядком в помощь назначенному городскому»⁹³ (см. приложения №№ 1 и 2). Для исправления ситуации в городское самоуправление стали поступать частные предложения. Запасной хоровой музыкант Г.А. Цимбалистов просил у города разрешения безвозмездно пользоваться буфетом сада для продажи напитков. Взамен он обязывался за свой счет приглашать по воскресеньям военный оркестр для гуляющей публики в течение всего лета 1903 г.⁹⁴ Рязанское вольное пожарное общество, существовавшее на членские взносы и пожертвования и не имевшее постоянных финансовых источников, неоднократно проводило в саду платные гулянья для пополнения средств с разрешения управы. На летний сезон 1903 г. общество просило уступить ему в пользование весь городской сад с постройками для организации два раза в неделю недорогих платных гуляний в сопровождении оркестра. Свою инициативу оно мотивировало

Илл. 4. Проект здания Благородного собрания.
Архитектор И.С. Цеханский. 1904 г.
ГАРО. Ф. 4. Оп. 575. Д. 90. Л. 19.

не только поиском доходов, но и тем, что это «даст возможность рязанской публике посещать городской сад..., так как в настоящее время без гуляний с музыкой вечерами даже небезопасно проходить через него, а не только гулять»⁹⁵.

В феврале 1904 г. благородное собрание, не найдя альтернативного варианта, все-таки решило строить новое летнее помещение на старом фундаменте и представило на утверждение проект деревянного двухэтажного здания, выполненный архитектором И.С. Цеханским⁹⁶ (илл. 4). Новые строительные нормативы 1900 г. в целях пожарной безопасности не допускали постройки частных деревянных зданий длиной более 12 саженей. Ни строительное отделение губернского правления, ни Технико-строительный комитет МВД разрешения на постройку не дали⁹⁷. Однако закон позволял превышать эти ограничения при строительстве зданий общественного назначения (театров, цирков, балаганов и т. п.)⁹⁸. Очень скоро проект был переделан. На плане здания появился зрительный зал со сценой, и теперь его можно было рассматривать как летний театр. В середине июля 1904 г. проект был утвержден. Однако собрание, не дожидаясь согласования с надзорными инстанциями, еще в марте просило городскую управу бесплатно предоставить с 5 апреля на 10–15 дней для изготовления сруба временную площадку напротив бывшего здания клуба в городском саду. Управа согласилась, но с условием, чтобы 25 апреля эта территория была бы освобождена от сруба и строительного мусора⁹⁹. 16 апреля «благород-

Илл. 5. Здание Благородного собрания в городском саду.
Архитектор И.С. Цеханский. 1905 г.
Фото нач. XX в. (ГАРО)

цы» обратились за разрешением на обнесение места строительства, то есть сруба, установленного на старом фундаменте, забором от калитки в сад с Приклонской улицы до границы с усадьбой гимназического пансиона. При этом собрание обещало: «Забор будет уничтожен в первых числах июля с. г., а место, где будет устроен забор, будет тогда приведено в надлежащий вид»¹⁰⁰. Пока сложно сказать, когда здание было полностью отделано, но в новом помещении летнего клуба в присутствии более чем 500 человек, 23 октября 1905 г. проходило всенародное собрание, на котором обсуждался Манифест 17 октября¹⁰¹. С наступлением теплых дней, в первых числах мая, по старой традиции благородное собрание на лето переезжало в свое новое помещение (илл. 5). С этого времени в саду опять появлялся оркестр, приглашаемый собранием, клуб устраивал гулянья с танцевальными вечерами¹⁰² (см. приложение № 3).

Со времени основания сада до первой половины 1910-х гг. его площадь и границы оставались неизменными. В 1849 г. рязанская гимназия предлагала городской думе обменять овражистую усадьбу ее пансиона на городскую землю в саду напротив главного фасада здания пансиона¹⁰³. Тогда обмен не состоялся, и прежняя граница сада и усадьбы пансиона сохранялась вплоть до 1917 г. По документам инвентаризации городского хозяйства до 1918 г. площадь городского сада увеличилась только на 517 кв. сажен¹⁰⁴, но со временем усадьба пансиона к нему все же была присоединена. В таких размерах территория городского сада существует и сегодня. В советское время сад стал именоваться городским парком, он не терял своего значения как основного места отдыха и развлечений рязанцев вплоть до конца 1950-х гг.

Приложения

№ 1.

Письмо Н. Захарова. Газета «Рязанская жизнь». 1912 г. № 211.

Городской сад на Астраханской улице является почти единственным местом отдохновения и прогулок для рязанской публики, но после 8 часов вечера (особенно в праздничные дни) этим садом порядочной публике пользоваться совершенно невозможно, так как он бывает переполнен ордами бесчинствующих хулиганов, которые носятся по аллеям сада с пронзительными и угрожающими криками.

Приходится только удивляться непростительному равнодушию городского самоуправления, которое является хозяином этого поистине «хулиганского» сада.

Не имея возможности принимать активное участие в делах городского самоуправления в обеспечении местного населения от дерзких выходок со стороны его отбросов, пользуюсь печатным словом как единственным доступным мне средством, чтобы обратить должное внимание тех, кому надлежит это ведать.

№ 2.

Н. Чаров. На лоне «городской» природы. Газета «Рязанская жизнь». 1913 г. № 159.

После долгодневной болезни, приковавшей меня к четырем стенам душной квартиры, я решил отправиться в наш городской сад.

Я забыл на время, что сад наш летом представляет собою душную коробочку, в которую набиваются люди, как сельди, и что думать об отдыхе в нем, по меньшей мере, ребяческая утопия, неисполнимая мечта, и что в нем, как в некрасовской мастерской дамских нарядов, «не в шитье была там сила».

Я забыл, что в сад наш идут не для того, чтобы освежиться и поправить свои нервы, а совсем «наоборот».

Да и для целей прогулок в нем, при настоящем его неустройстве, место едва ли есть...

И это сразу же подтвердила мне горькая действительность.

На так называемой «жениховке», куда я попал, как на одну из просторных дорожек сада, меня встретила нестройная толпа «кавалеров и барышень», фланировавших взад и вперед, «от печки до печки»...

Барышни в «платочках», без оных, в шляпках и «без шляпок».

«Ухажеры» их самых разнообразных возрастов и социальных положений, большинство гулявших с неизменными семечками в руках...

Знакомая картина: скучная и надоевшая каждому до одурения...

Но напрасно искать новых черточек в ней к лучшему, сравнительно с прошлым годом...

Если в прошлом году, кроме фланировавших парочек в других темных аллеях сада, можно было заметить «нагрузившихся» пивом в пресловутой «кукушке», торгующей теперь только китайской травкой, то теперь эти аллеи полны «ночными феями», которые прививают к аллеям «нравы» московского Тверского бульвара, где купля-продажа живого человеческого тела производится открыто и без стеснения...

В этих отдаленных от «жениховки» аллеях имеют свои резиденции постоянные, так называемые «ночные тети», оптом и в розницу торгующие как собой, так и своими милыми племянницами...

В эти аллеи хоть не заглядывай...

Здесь скопление как продавцов, так и покупателей женского тела...

Все они, как совы, держатся далеко от света...

Само собой разумеется, что раз все это мы находим налицо в городском саду, то следовательно, мы находим здесь и неизбежно пьяных, которые не прочь похулиганствовать, если представится к тому случай...

Словом, небольшая, но теплая компания, всегда заседает в глухих аллеях сада...

Так, мне пришлось наблюдать такую характерную сцену: навстречу мне показалась небольшая группа мужчин подвыпивших и с ними несколько женщин. Одна из них – старая старуха, известная всем посети-

телям сада, но одетая в короткое детское платьице и шутовски раскрашенная, очевидно, для соблазна пьяных. Рядом с ней молоденькие девушки, но на манерах их уже явственное клеймо порока... Все без стеснения кидали вслед проходившим мужчинам двусмысленности и разные непристойные слова, вертелись и кидались из стороны в сторону...

Проходившие мимо этой «теплой» компании невольно озирались на нее, делая «большие» удивленные глаза...

Но это еще не все...

Шедшие в компании со «старухой» две молоденькие девушки, почти еще девочки, отделились от компании, перевели свои «действия» на проходивших мужчин по главной аллее сада, и делали они это без всяких смущений, перебегая от одной группы мужчин к другой.

Вероятно, эти несчастные созданы получили хорошую выручку у своих «тетей» на манер столичных своих погибших сестер...

И это было не так поздно: около 11 часов вечера. Само собой разумеется, лицезрение подобных сцен не может «освежить» человека и его нервов...

А еще говорят, что мы далеко отстали от «цивилизации»...

О «цивилизации» мне пришлось слышать много в этот злополучный вечер и от одной компании молодых людей, сидевших рядом со мной...

Что ни слово – то самоновейшая «цивилизация».

Компания молодых людей, очевидно, собиралась «заложить за галстук» и ломала свои головы над вопросом, где бы достать «водицы с белой головкой», так как был уже 12-й час ночи...

Но затруднения быстро разрешились соображением одного из компании, очевидно, бывалого в переделках, что водкой можно хоть залиться, что у него много на примете тайных шинков...

Как раз мимо этой компании проходил репортер одной из местных газет и один из компании, очевидно, по ассоциации идей о прессе, предложил своим товарищам: «А недурно было бы этому репортеришке посчитать ребра».

И все одобрительно гоготали счастливо пришедшей на ум мысли.

Вся эта компания, очевидно, не в обиду будет ей сказано, из местной интеллигентной молодежи.

И я ушел из сада еще с больше развинченными нервами, чем пришел туда, сказавши себе мысленно при выходе словами Чацкого из «Горе от ума»: «...сюда я больше не ездок...».

Так кончилась моя неудачная попытка экскурсии в городской сад...

№ 3.

Н. Чаров. Город без музыки. Газета «Рязанская жизнь». 1915 г. № 110.

Предстоящий весенний и летний сезон мы не только остаемся без хороших мест прогулок, если не считать пыльного, надоевшего всем городского сада, но и без музыки. Благородное собрание отказалось пла-

тить оркестру в городском саду и мы, таким образом, даже дважды в неделю не будем слушать теперь музыки, хотя бы выражавшейся раньше в оркестре трубачей. Город не проявляет в этом никаких признаков жизнедеятельности. И теперь некуда будет деться от пыльных рязанских улиц. Они будут давить нас, как угрюмые стены свинцового гроба. Ни музыки, ни летнего театра... Перспектива для обывателей не из веселых...

...И пока обывателю, следовательно, остается одно: погрузившись в «благорастворение» своих дворов, оставить всякую надежду на летний отдых. Ибо городской сад, да еще без музыки, удовольствие всем известное. И если хор трубачей был далеко не для эстетически развитого уха, то все же он доставлял некоторое удовольствие тем из обывателей, которые никакого понятия не имеют ни о Шопене, ни о Листе, ни о Григе. Наиболее устроенные города на юге, и даже не курортные, уже давно приглашают на лето к себе симфонические даже оркестры, конечно, соответствующей силы, наш же с Божьей помощью, идя по линии наименьшего сопротивления и пятясь назад, лишается и примитивной народной музыки в виде оркестра трубачей. Чем не прогресс?..

№ 4.

Н. Чаров. В городском саду. Газета «Рязанская жизнь». 1915 г. № 124.

Был на одном из гуляний в городском саду, после 1 мая, видел заморенную, как клячу, гулявшую публику, глотавшую пыль и пачкавшую свои одежды на садовых лавочках.

Гулявшую и скучавшую, может быть, от воспоминаний о прошлом годе, когда в саду хоть изредка носились звуки военного оркестра, теперь, увы, исчезнувшего из сада. С другой стороны, город ничего не делал для того, чтобы единственное теперь место прогулок для горожан было бы более благоустроено, как для ног, так и для глаз.

Говорили о фонтане, который будет не хуже «бахчисарайского» у Пушкина, о цветнике, который будет поэтически осыпаться серебряными струями его, быть может, под звонкий ропот волшебника-соловья. Но, увы...

Горькая действительность настоящего еще кажется теперь горше, чем была эта действительность в прошлом году... ибо, вместо «фонтана» и «цветников», «музыки» и трелей соловья, мы увидели лишь одно прежнее разбитое корыто.

Не доросли еще рязанские обыватели до хорошего городского сада...

Не доросли и до фонтана с соловьями...

Электричество, освещающее сад, еще более подчеркивает его безнадёжное убожество, с его искривленными аллеями и жидкими деревьями...

И публика наша, понятно, безнадежно скучает в таком городском уголке, но, толкаясь друг о друга, все же, делает свой вечерний променад, ибо, куда же ей у нас больше пойти на прогулку?

И вот мы видим эту невзыскательную публику, мозолящую глаза друг другу, каждый вечер аккуратно рассыпающейся по дорожкам сада.

И впечатление одно: публика наша умеет терпеть и скучать, как следует...

Очевидно, она взяла это занятие у кого-то подряд и исполняет его, как свою священную обязанность.

А город наш пользуется этим и кормит публику, от нечего делать, обещаниями, хотя теперь и к этому не нужно особенно прибегать: ведь у ней есть в этом отношении хороший теперь союзник – война...

И с ним город может далеко уехать, ничего не делая и ничего никому не обещая...

¹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 282. Л. 9.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ *Воздвиженский Т.Я.* Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822. С. 334.

⁶ *Солодовников Д.Д.* Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. Рязань, 1922. С. 137.

⁷ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 513. Л. 168–169.

⁸ Там же. Д. 570. Л. 198–199 об.

⁹ Там же. Д. 574. Л. 109–110 об.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 253 об.–254 об.

¹¹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 282. Л. 33.

¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 34. № 27180, ст. 3, п. 47.

¹³ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1354.

¹⁴ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1207. Л. 21.

¹⁵ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 293. Л. 110 об.

¹⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 282. Л. 33.

¹⁷ Там же. Д. 2765. Л. 9.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 38. Л. 5.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2765. Л. 19.

²⁰ Там же. Д. 2896. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 3386. Л. 1–2.

²² Там же. Л. 3–9.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 24.

²⁵ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 163. Л. 94; Д. 166. Л. 100.

²⁶ Там же. Д. 166. Л. 100.

²⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3568. Л. 23.

²⁸ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 166. Л. 100.

²⁹ Там же. Д. 205. Л. 27; Д. 168. Л. 47.

³⁰ Там же. Д. 205. Л. 163.

³¹ Там же. Д. 163, Л. 94 об.

³² Там же. Д. 293, Л. 3 об.–4.

- ³³ Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1898. № 7. С. 414.
- ³⁴ Там же. Д. 296. Л. 132.
- ³⁵ Там же. Д. 297. Л. 204.
- ³⁶ Там же. Д. 303. Л. 178.
- ³⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3568. Л. 23.
- ³⁸ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 420. Л. 107 об.–108.
- ³⁹ Бутурлин М.Д. Записки... С. 413–414.
- ⁴⁰ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 344. Л. 31 об.–32.
- ⁴¹ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 651. Л. 478.
- ⁴² Там же. Д. 23. Л. 127.
- ⁴³ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 651. Л. 63.
- ⁴⁴ Там же. Д. 30.
- ⁴⁵ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3845. Л. 67, 139.
- ⁴⁶ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 33. Л. 172 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 239. Л. 130.
- ⁴⁸ Там же. Д. 156. Л. 342.
- ⁴⁹ Там же. Д. 33. Л. 396–397.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Д. 156. Л. 270 об.–272.
- ⁵² Там же. Д. 284. Л. 257–258.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Д. 222. Л. 16 об.–18 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 156. Л. 170 об.–172.
- ⁵⁶ ГАРО. Ф. 4. Оп. 252. Д. 61. Л. 13–15 об.
- ⁵⁷ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 490. Л. 55.
- ⁵⁸ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 536. Л. 41–42.
- ⁵⁹ Там же. Л. 88.
- ⁶⁰ Там же. Д. 1028. Л. 329.
- ⁶¹ Посчитано автором по материалам опубликованных отчетов Рязанской городской управы.
- ⁶² ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1246. Л. 25 об.–26.
- ⁶³ Там же. Д. 322. Л. 544 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1221. Л. 9.
- ⁶⁵ Рязанский вестник (далее – РВ). 1910. № 206.
- ⁶⁶ РВ. 1911. № 96.
- ⁶⁷ РВ. 1913. № 149.
- ⁶⁸ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 988. Л. 1.
- ⁶⁹ РВ. 1912. № 253; 1913. № 135.
- ⁷⁰ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1013.
- ⁷¹ Рязанская жизнь. 1913. № 105.
- ⁷² Там же. № 187.
- ⁷³ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2158. Л. 16.
- ⁷⁴ РВ. 1913. № 236.
- ⁷⁵ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2712. Л. 7, 9.
- ⁷⁶ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 136. Л. 31–32 об.
- ⁷⁷ Баранович М. Материалы для географии и статистики Рязанской губернии. СПб., 1860. С. 498.
- ⁷⁸ ГАРО. Ф. 49. Оп.1. Д. 174. Л. 115.
- ⁷⁹ Там же. Д. 632. Л. 26 об.
- ⁸⁰ Там же. Д. 267. Л. 7 об.
- ⁸¹ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 95. Л. 9.
- ⁸² Там же. Д. 440. Л. 179.
- ⁸³ Там же. Д. 222. Л. 107.

- ⁸⁴ Там же. Д. 280. Л. 7.
⁸⁵ Там же. Д. 33. Л. 90, 110 об.
⁸⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 2487. Л. 137 об.
⁸⁷ Там же. Л. 137, 138, 245, 252, 252 об., 253.
⁸⁸ ГАРО. Ф. 4. Оп. 552. Д. 44. Л. 1.
⁸⁹ Там же. Л. 3.
⁹⁰ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 599. Л. 142 об., 168, 259.
⁹¹ Там же. Д. 1065. Л. 9, 11.
⁹² Там же. Д. 1207. Л. 1.
⁹³ Там же. Д. 1290. Л. 8а.
⁹⁴ Там же. Л. 11.
⁹⁵ Там же. Л. 13.
⁹⁶ ГАРО. Ф. 4. Оп. 575. Д. 90. Л. 5, 16.
⁹⁷ Там же. Л. 4.
⁹⁸ Там же. Л. 14.
⁹⁹ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1373. Л. 21–22.
¹⁰⁰ Там же. Л. 23.
¹⁰¹ РВ. 1905. № 113.
¹⁰² РВ. 1907. № 124; 1913. № 156.
¹⁰³ ГАРО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–3.
¹⁰⁴ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2712. Л. 9.

Е.В. Чумичева

РАЗВИТИЕ ФОТОДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в. НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Фотография – сравнительно «молодой» исторический источник, как известно она была изобретена в 1839 г. С первых шагов фотодело развивалось очень бурно и достаточно быстро получило повсеместное признание. Практически с момента появления светописы предприимчивые люди усмотрели в этой новинке коммерческий интерес. Уже дагерротип (фотоизображение на серебряных пластинах), дорогой и трудоемкий способ получения единственного экземпляра изображения, стал очень популярен и приносил немалые прибыли фотографам-дагерротипистам. Но прошло немногим более полутора десятка лет, и фотографы нашли способы упростить и удешевить процесс получения фотоизображения, а главное получили возможность тиражирования снимков. Различных фототехник, позволяющих добиться стойкого и качественного изображения, появлялось все больше. Вместе с тем росло и количество желающих освоить новую профессию. С середины XIX в. стало появляться множество фотоателье в Европе, Америке и России. Вопрос о том, как происходил процесс развития фотодела в провинции, насколько было популярным и востребованным новое изобретение, в частности в уездах и городах Рязанской губернии, может стать темой целого исследования. На первом этапе представляется целесо-